

Глава 4. Не останавливайте меня, я хочу прыгнуть

Лучше бы я сгнил на фабрике

Луна вошла над верхушками ив, и огни города начали гаснуть, уступая место ночной тишине.

Серебристый поток лунного света, пробиваясь сквозь листву, рассыпался по земле призрачными бликами. Половина лица Су Иняня была погружена в игру света и тени, а пляшущие за окном огни делали выражение его глаз неразличимым. Лишь длинный силуэт на полу выдавал каждое его движение.

Он извлёк откуда-то пару изысканных белоснежных перчаток из натурального шелка, расшитых золотой нитью. С истинно аристократической грацией юноша натянул их на руки и медленно, почти торжественно... поднял крышку мусорного бака.

В ту же секунду Система разразилась воплем, точно ошпаренная:

[Носитель!!! В этом мире запрещено использование артефактов!]

Су Инянь на мгновение замер. В следующую секунду он, невозмутимо игнорируя истерику в своей голове, развязал мусорный пакет и сделал глубокий вдох, явно не собираясь останавливаться.

«Всё кончено! — в отчаянии подумала она. — Психика Носителя не выдержала нагрузки, он окончательно лишился рассудка»

Видя, с каким благородством её подопечный копается в отбросах, Система почувствовала, что её центральный процессор вот-вот расплавится от когнитивного диссонанса. Её голос дрожал и срывался.

[«Любимые перчатки графа Луи из человеческой кожи», артефакт из инстанса 236. Граф Луи страдал от тяжелейшей формы гермофобии и всю жизнь стремился к абсолютной чистоте, пока в конце концов не содрал собственную кожу, чтобы сшить из неё эти безупречные перчатки...]

У Системы потемнело в глазах от негодования.

[Носитель, что вы творите?! Вы копаетесь ими в помойке!]

Молодой человек, не меняясь в лице, извлёк из бака обломок пластиковой детали. Стоит признать, что в аристократическом детском саду к сортировке мусора относились ответственно, так что работа была не такой уж грязной. Су Инянь продолжал поиски с

ледяным спокойствием, лишь бросив на мечущуюся рядом сферу холодный взгляд.

— Разве я задействовал хоть одну сверхъестественную способность этого артефакта? — резонно возразил он. — Я использую исключительно его физические свойства.

[Носитель, формально вы правы, вы не использовали магию, но...]

Голос Системы наполнился почти человеческой скорбью.

[Если граф Луи узнает, что его кожей ворошат отходы, он выберется из гроба от ярости. Более того, он уже в бешенстве прорывает завесу миров и стоит прямо у вас за спиной...]

Су Инянь медленно моргнул.

Его тень под лунным светом начала неестественно удлиняться, а сгустившийся мрак за спиной постепенно обрел очертания высокой фигуры в цилиндре. Бледное лицо с европейскими чертами исказилось в гримасе гнева, проступая сквозь тени.

Граф Луи: вперил в Су Иняня убийственный взгляд, надеясь, что его совесть сожмётся от боли.jpg

Су Инянь: одарил его невинной улыбкой и на глазах у призрака снова запустил руку в мусорный бак.jpg

Глубокая ночь. Детский сад города А. У окна замерли трое: призрак, Система и человек.

Мертвенно-бледный граф Луи, вцепившись в подоконник, скорчился в три погибели. На его угрюмом лице отражалась целая гамма небывалых для покойника чувств: от яростного негодования до глубочайшего отчаяния.

— Не держите меня, я прыгну! — вскричал он. — Он лапает моей кожей помои! В чём смысл моего существования?!

Система тщетно пыталась выступить в роли миротворца:

— Успокойтесь, мистер Луи! Это не Бесконечная игра, здесь пол внизу ещё грязнее!

Услышав это, граф на мгновение затих. Он нерешительно убрал одну ногу с края и с сомнением уточнил:

— Тогда, может, мне найти место почерпнее и прыгнуть там?

Су Инянь, сосредоточенно копавшийся в пакете, на секунду высунул голову и безжалостно добавил:

— Ты собрался прыгать и ещё выбираешь? Какая разница, куда втыкаться головой...

Система предпочла промолчать.

Луи, взбешённый до предела, снова перекинул ноги через подоконник, выкрикивая проклятия:

— К чёрту всё! Знай я, что он будет так меня использовать, лучше бы я так и остался гнить на фабрике!!

Следующие три часа стали для графа самыми мучительными в его посмертии. Он был вынужден наблюдать за тем, как юноша по крупицам извлекает из мусора осколки разбитого водяного пистолета.

Су Инянь устроился прямо на полу игровой комнаты; лунный свет очерчивал его профиль серебристым контуром. Он работал с таким сосредоточенным выражением лица, что в мягком сиянии его взгляд казался почти нежным.

Граф Луи с недовольной миной парил рядом, невольно вовлекаясь в процесс и время от времени выдавая инструкции:

— Не туда, пазы с другой стороны...

— Осторожнее с моей кожей! Не вздумай посадить пятно!

— Проклятье, ну и неуклюжие же у тебя руки!

Су Инянь хранил молчание. Обычно властный и резкий, сейчас он проявлял остатки своего скудного терпения, аккуратно стыкуя мельчайшие детали.

Видя, как под его руководством игрушка обретает форму, Луи постепенно начал заноситься:

— Надеюсь, этот твой пистолет — какой-нибудь легендарный артефакт S-ранга, иначе он просто недостоин моей идеальной кожи.

Юноша лишь загадочно улыбнулся, защелкивая последний фрагмент.

Когда Су Инянь вернулся в поместье, часы уже близились к полуночи. Дворецкий, с самого вечера дежуривший у входа, подобострастно встретил его, вышедшего из ночного сумрака.

В огромном зале, где располагался ресторан «Ситуланья», на массивном европейском столе его ждал ужин. Блюда всё ещё источали аппетитный аромат и лёгкий пар. Только сейчас молодой человек вспомнил, что его нынешнее человеческое тело нуждается в пище.

В Бесконечной игре еда была редкостью: либо это были инстансы с голодом, где игроки дрались за кусок галеты, либо продукты состояли из таких кошмарных ингредиентов, что их и называть-то не стоило. Су Инянь уже и забыл, каково это — нормально поесть. При виде накрытого стола его черные глаза мгновенно заблестели.

Нежнейшая мраморная говядина вагю была нарезана идеальными кубиками, а фуа-гра искусно оформлена в виде спелых вишен. Даже самый простой пудинг был украшен лепестками белого трюфеля.

Он грациозно опустился на стул и взял столовые приборы. Каждое его движение было выверенным и элегантным, словно он всю жизнь провёл в академии этикета.

Служанка, стоявшая неподалеку, украдкой бросала на него удивлённые взгляды. Обычно Госпожа во время еды превращалась в сущий кошмар: то продукты не те, то приправа не так подобрана. Стоило ей съесть пару кусков, как начинался скандал, и поварам приходилось переделывать всё по несколько раз под градом оскорблений.

Сегодня же... он сидел тихо и ел с такой завораживающей эстетикой!

Несмотря на внешнюю неспешность, Су Инянь справился с ужином довольно быстро. Уже через полчаса стол опустел, а приятное чувство сытости заметно подняло ему настроение.

Он открыл двери ресторана «Ситуланья» и, проходя мимо застывшей в изумлении горничной, одарил её благожелательной улыбкой.

Служанка ошеломлённо смотрела ему вслед, не в силах вымолвить ни слова, а её движения при уборке стали восторженно-рассеянными.

«Госпожа сегодня... такая непривычно добрая. И до чего же красивая!»

Су Инянь чувствовал, что немного переел, и решил прогуляться по вилле, чтобы растряситься.

Однако, проходя мимо кухни, он внезапно замер.

Там, в густой тени за тяжелой дверью из красного дерева, виднелся крошечный силуэт. Малыш, выставив крохотную попку, увлечённо чем-то занимался в самом углу.

Су Инянь прищурился и бесшумно, точно тень, направился к кухне.

Авторский комментарий:

<http://bllate.org/book/15832/1427996>